

Сергей
Афанасьев

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Сергей Афанасьев

У последней черты

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Афанасьев С.

У последней черты / С. Афанасьев — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-766001-8

Скорая помощь. Кардиологическое отделение. Совсем другой мир, совсем
другие отношения. Совсем другие ценности, ведь здесь смертельный исход –
обыденное явление.

ISBN 978-1-38-766001-8

© Афанасьев С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Поступление	5
День первый	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Афанасьев

У последней черты

Поступление

Двадцать третьего февраля две тысячи пятнадцатого года в одиннадцать часов вечера машина скорой помощи въехала на обширную территорию Новосибирской городской больницы. Скользя по заснеженной пустынной дороге, слабо освещаемой редкими фонарями, она остановилась возле темного больничного корпуса третьего кардиологического отделения. Было позимнему тихо. Падal мягкий пушистый снег.

Михаил медленно вышел из машины. Ночь. Снежинки празднично искрились под фонарями. Женщина-врач подошла к железной двери, нажала на кнопку вызова. Замерла в ожидании. Застыли и Михаил с медбратом. Молчали. Не шевелились.

Через пару минут открылась дверь. Сонно выглянул охранник – невысокого роста, в серой униформе.

Вошли внутрь. Короткий коридор с наклоном вверх вывел их в просторный полутемный холл со множеством дверей. Возле стен обильно расставлены ряды белых железных стульев. Врач пересекла холл и открыла еще одну дверь, оказавшись у порога просторного кабинета. Здесь тоже было пусто и темно, и только лампа на столе была включена. Врач что-то негромко произнесла вглубь помещения. Без ответа. Снова стояли и молча чего-то ждали.

– Раздевайтесь пока, – тихо сказала врач скорой помощи.

Михаил, вялый, поставил пакет с вещами на один из стульев, снял куртку, повесил ее на крючок на стене.

Подошел охранник.

– Нет ее? – спросил он у врача, и, не дожидаясь ответа, ушел вглубь кабинета, где виднелись еще двери и ширмы. Долго там бродил. Наконец появилась заспанная женщина в белом халате.

– Что у вас? – спросила она с неприязнью, садясь за стол и беря протянутые ей бумаги.

– Давление. Не можем сбить, – почти подобострастно ответила врач скорой помощи.

– Я же говорила – не привозить таких! – недовольно повысила голос врач за столом.

– А мы что сделаем? – пожала плечами врач скорой.

– Мне класть некуда, – снова зло сказала местный врач, листая бумаги. – Ну вот! – решительно откинулась она на спинку стула, с силой ударяя внешней стороной пальцев по листам. – Ну вот же! Все лекарства, какие надо, приняты! – Она возмущенно посмотрела на врача скорой. – Все, что надо! Сейчас у него упадет до нормы – и что мне делать?!

Врач скорой промолчала. Недобро настроенная женщина взяла со стола прибор для измерения давления.

– Садитесь.

Михаил сел на второй стул. Врач надела Михаилу манжету на правую руку. Понадавливала грушей, нагнетая воздух. Замерила давление.

– 140 на 90, – сухо, и даже как-то осуждающе произнесла она.

Сняла манжет. Надела его на левую руку Михаила. Снова замерила.

– 180 на 110, – процедила она и молча забрала бумаги.

Врач скорой и медбрат (меланхоличный юноша-здоровяк) тихо и поспешно удалились, а суровая женщина принялась что-то писать. Писала она долго, почти час, причем Михаил то и дело постоянно где-то расписывался, в нескольких местах написал полностью свое имя,

фамилию и отчество, отвечал на ее многочисленные вопросы – были ли операции, диабет, болел ли гепатитом, и так далее.

– Подождите пока в приемном покое, – наконец произнесла врач почему-то все тем же недобрым голосом.

Он вышел в темный холл, сел на железный стул. Посмотрел на часы на стене – уже двенадцать ночи. Но мыслей никаких по этому поводу не было – сильная слабость, вялость, и полное безразличие к окружающему.

Вспомнил. Достал сотовый. Позвонил жене. Трубка откликнулась мгновенно.

– Ну как ты? – встревоженно спросила Аня.

– Да все нормально, – ответил он. – Меня приняли. Сейчас бумаги оформляются. Потом поведут в палату.

– Ну, слава богу! – вздохнула жена.

Подошла заспанная медсестра в зеленой униформе.

– Тапки есть? – безразлично спросила она.

Михаил кивнул.

– Потом перезвоню, – сказал он в трубку, отключаясь.

– Переобувайтесь, – все также вяло произнесла медсестра, глядя куда-то в сторону.

Он раскрыл пакет. В ворохе вещей, второпях собранных женой, нащупал пакет с тапками. Вытащил, вытряхнул их на пол. Переобулся. Ботинки составил в тот же пакет, который медсестра тут же и забрала.

– Это ваша куртка? – снова спросила она, указывая на вешалку.

Он с трудом поднял голову, посмотрел в указанном направлении – кроме его пуховик больше ничего не висело – равнодушно кивнул. Медсестра сняла пуховик. Скрылась с его вещами за какой-то дверью в самом углу. Но вскоре снова вернулась, подсунув Михаилу какие-то бумаги, лежащие на твердой папке, и тыча ему шариковую ручку. Михаил с трудом прочитал: куртка – синяя, ботинки – черные.

– Распишитесь, – все также безразлично сказала медсестра.

– Где? – вяло поинтересовался он, беря ручку.

– Вот здесь, где галочка.

Расписался. Слабость не отступала. Все плыло. Медсестра оторвала экземпляр «из под копирки» и протянула ему.

– Будете выписываться – получите вещи обратно, – сказала она и подала еще какие-то бумаги.

Он расписался: что ценных вещей не имеет, что деньги, паспорт и сотовый не сдает на хранение, и что все его данные можно использовать в электронных системах обработки. Наконец медсестра, раскрыв широкие двери, повела его вглубь учреждения.

Они долго шли по бесконечно-длинному полутемному пустому коридору. Высокие потолки – около четырех метров – тонули в полумраке. Столы, шкафы, лес капельниц, длинный ряд раскрытых дверей в черные проемы больничных палат. Редкие, опять же пустующие, дежурные посты медсестер в виде стола, стула, телефона, шкафчиков и светящейся лампы на стене. Больше он ничего не замечал, полностью задавленный тягучей слабостью.

Наконец коридор закончился и они повернули направо, вдруг оказавшись в небольшом закутке, справа и слева плотно заставленном топчанами, занятыми больными, в основном – стариками и старушками. Многие не спали. Кто-то сидел, кто-то стонал, кто-то плакал.

– Вот ваша кровать, – указала медсестра на свободный топчан – предпоследний у правой стены – собираясь уходить.

– А где здесь туалет? – поинтересовался он.

Женщина махнула рукой вглубь закутка и решительно удалилась.

Михаил огляделся, не зная, куда девать пакет. У соседей стояли стулья для этих целей, у него же стула не было. Тогда он убрал пакет с вещами под топчан. Потом он какое-то время стоял и смотрел на свою постель, мучительно размышляя – лечь в одежде поверх всего, или все же привести свою лежанку в нормальный вид, и спать под одеялом – вся постель и покрывало лежали поверх деревянных досок в свернутом виде. Понял, что под одеялом ему нравится больше. Значит придется напрячься.

В нише стены у самого топчана располагалась батарея отопления. Михаил потрогал – горячая. Не прислониться бы во сне, – отрешенно подумал он, осматривая соседей – у всех хоть какие-то матрасики да были. Стараясь не делать резких движений, как можно спокойнее и тише, он сдвинул одеяло, подушку и пододеяльник в одну сторону, взял сложенную простынь, развернул ее, постелил на голое дерево. Вытащил из под простыни постель и переложил ее на застеленную часть топчана. Заправил простынь на освободившейся стороне. Расстелил пододеяльник и долго вдевал внутрь одеяло. Потом, взяв за углы, несильно потряс, чтобы одеяло равномерно разошлось в пододеяльнике. Надел наволочку на подушку. Расправил постель. Нагнулся. Голова неприятно закружилась. Достал из под топчана пакет. Присел на жесткую кровать, под внимательным взглядом старушки напротив, которой не спалось, и которая, тихо постанывая, сидела на своем топчане и в темноте смотрела на вновь прибывшего. Михаил отвернулся от женщины, невольно покосившись вправо. В его ногах лежал мужчина с короткой стрижкой. Шея, грудь и правая рука – в бинтах. Он время от времени стонал, не меняя своего положения.

Спать в эту ночь мне явно не удастся, невесело подумал Михаил, доставая из пакета спортивной и футболку. Переоделся, не обращая внимания на женщину напротив. Засунул пакет обратно под топчан. Поверх пакета сложил аккуратно свернутые рубашку, джинсы и свитер.

Собрался было лечь, но понял, что сначала надо сходить в туалет. Неуверенно, среди топчанов и больных, прошел в конец закуска, озираясь по сторонам. Три двери. Пригляделся в полутьме. На одной – «19». На другой – «Мужской туалет». На третью, естественно, смотреть уже не стал. Прямо возле двери туалета на топчане лежал мужчина. Михаил подивился этому. Открыл дверь – темно внутри, совсем ничего не видно. Тогда он нашел с наружной стороны выключатель. Щелкнул. Тут же вспыхнул яркий свет. Причем – не только внутри, но и снаружи, так как также загорелась и лампочка над дверью. Мужчина на топчане даже не шелохнулся. И не заругался.

Внутри туалет оказался просторным – две комнаты, в каждой по три кабинки, деревянные, на сотый раз перекрашенные зеленой краской, плюс умывальники. В левой, дальней, комнате в углу стояли швабры, а возле окна – тумбочка с трехлитровыми банками, разной степени наполненности – явно с мочей. Форточка была распахнута настежь, и поэтому в туалете было достаточно прохладно. На стекле окна наклеена бумага: «Не курить». Но тем не менее пахло табаком. Кафель на полу явно положен еще при Хрущеве – судя по его внешнему виду и многочисленным сколам. У самого входа – большой черный пластмассовый бак под мусор.

Михаил вошел в ближайшую кабинку. Унитаз был без сидухи. Ясно – придется подстилать туалетную бумагу.

Потом он сполоснул руки в мятой раковине. Потряс их, стряхивая воду – ни бумажных полотенец, ни электросушилок, ничего.

Выходя из туалета, он непроизвольно уткнулся взглядом в лежащего мужчину. Глаза резанули торчащие из под простыни обрубки ног выше колен. Михаил поспешно выключил свет, поразившись, что такого бедолагу положили именно в такое неудобное место.

Вернулся к своему топчану. Присел. Голова кружилась. Под взглядом старушки напротив, очень аккуратно, стараясь не делать резких движений, забрался под одеяло. Лег на спину, держа в уме – ни в коем случае не ложиться на левый бок – мало ли что. Твердое дерево под телом было неприятно. На досках он не спал со времен студенческих походов. Но сейчас ему

было так плохо, что он не обращал на это внимания. Михаил постарался уснуть. Но разные мысли одолевали его, да еще соседи по коридору вели себя беспокойно. Не стройотряд и не армия, подумалось ему. Там-то научился засыпать при любой обстановке.

Впрочем, оказалось, что на дереве в одной позе долго лежать ну никак невозможно. Пришлось лечь на бок. Естественно – на правый. Переворачиваясь, его правая рука уткнулась в батарею. Но, озадаченный укладыванием, он не сразу почувствовал боль. Резко одернул руку, подумав, а если во сне? Пока до меня дойдет...

Снова замер, стараясь уснуть, и невольно прислушиваясь к шумам. Женщина, лежащая напротив, тихо стонала при каждом вздохе. Ее соседка тихо плакала. Забинтованный мужчина время от времени разговаривал с невидимым собеседником, что-то ему доказывая, изредка, в пылу спора, повышая голос.

– Ты что, не понимаешь, что ли?! – вдруг заорал он.

Однако у меня будет занятная ночь, вяло подумал Михаил, снова перекладываясь на спину – бок стал болеть от твердого.

Шаги.

– А ну-ка тихо у меня! – грозно, но негромко прошептала какая-то женщина. Явно – медсестра.

Мужчина какое-то время поперекался, явно приходя в себя и возвращаясь из бреда. Замолчал.

На какое-то время в коридоре стало тихо.

Михаил снова перевернулся на правый бок – выбор поз у него был невелик. Постарался подумать о чем-то нейтральном, легком. И вдруг воспоминания, от которых он все последние часы пытался оградить себя, стремительной лавиной нахлынули на него. Все началось вчера, в предпраздничный день, двадцать второго февраля, в обед, с просмотра событий на своем сотовом телефоне. Был звонок, оставшийся без ответа. В восемь утра. Кто это, да в такую рань? – недоуменно подумал он. Валентина Петрова. Ее младшему брату он ваял курсовую по программированию на языке Java. Но сейчас, в выходной, да еще накануне праздника, о какой-либо работе ни думать, ни обсуждать совершенно не хотелось. Михаил тогда просто пожал плечами, не став перезванивать. А к вечеру жена позвала его в спальную комнату поговорить, пока дочка играла в зале. Начала издали – мол, я книжку сейчас читаю, там утверждается, что душа, покидая тело, потом переносится в другое тело... И так далее. Михаил слушал, скучая. А в конце своего длинного, непонятного монолога Аня вдруг произнесла: Валентина не просто так звонила, – сказала она дрогнувшим голосом. – Юра умер. И Михаил тогда сразу как-то ошалел, словно мгновенно очутился в другом мире – из мира тихой, спокойной и размеренной жизни, в мир где умирают, уходят из жизни навсегда. Как же так? Знал ведь его с детства. Собирались завтра вместе семьями отпраздновать 23-е. И вот отметили... И вот уже его нет. И так рано. Да и моложе он был на два года. Что-то черное и гадкое навалилось тогда на Михаила, и чтобы освободиться от этого, чтобы стало легче, он быстро прошел на кухню, открыл холодильник, торопясь, словно мог не успеть к чему-то, достал бутылку водки, быстро налил сто грамм, пытаясь отогнать то черное, что волной захватывало его, выпил, ничего не почувствовал, налил еще, снова выпил. На этот раз стало полегче. Но ненадолго. И когда снова защемило в груди и глаза вдруг начали мокреть, и дочка девяти лет воскликнула с удивлением: Папа, ты плачешь?! Ты же никогда не плакал!!!; он снова достал из холодильника бутылку водки под испуганный голос ребенка: Папа, не пей больше! – Да вот не получается пока... – только и смог ответить он. Выпил, стараясь не глядеть на дочь. Легче стало только когда бутылка закончилась и он упал на кровать и уснул. А на следующий день – похороны. Приехав в траурный зал (за рулем, естественно, была жена), ни на кого не глядя, не ища глазами знакомых, он сразу прошел к гробу, встал рядом, напротив рыдающей Валентины, долго смотрел на Юрия. И в тот момент вдруг понял – поехать на кладбище он просто не сможет – опускание гроба под землю

и стук мерзлой земли по деревянной крышке разорвет его сердце. Так же не сможет присутствовать и на поминках. Он не стал подходить к Валентине – что он мог ей сказать в утешение? Да и самому страшно было. «Поехали домой» – сказал он тогда жене, и она все поняла.

А как приехал, сразу же лег на диван, так как чувствовал себя очень плохо, и даже шевелиться не хотелось. Взял первую попавшуюся книгу, стараясь отвлечься чтением. И каждый час мерил давление. И каждый час оно только неуклонно повышалось, несмотря на постоянный прием лекарств. И когда достигло отметки 220 – ужас прочитал он в глазах своей молодой жены. И сам поневоле почувствовал некоторое беспокойство – что-то было не так... Не совсем хорошо. И оба запаниковали.

Вызвали скорую, которая приехала только через четыре часа, и то только после десятого звонка жены, и ее отчаянного крика в трубку, так поразившего Михаила: «У меня один только муж! Мне страшно!».. И бледное лицо и испуганно-расширенные глаза дочки...

Ну и все остальное...

Вот и сейчас – от воспоминаний у него заломило где-то в глубине грудной клетки, защемило, сдавило виски.

А может, я неправильно поступил? – вдруг подумал он. – Может, наоборот, надо было поехать на кладбище, проводить друга до самого его завершающего конца, накатить там водки, снять все напряжение, заехать в столовую, на поминки, накатить снова... Может, легче бы стало? Ведь не зря же наши далекие предки создали такой обычай. Наверняка он несет в себе целебные свойства – снимает стресс от потери, расслабляет организм, примиряя с утратой, не дает ему разрушаться изнутри... Михаил вздохнул. Он хорошо помнил то свое состояние, когда он стоял возле гроба и смотрел на серое лицо, на закрытые навек глаза... Ведь он тогда очень остро ощутил-представил сцену, когда закроют крышку и начнут стучать молотки, забивая гвозди, а потом опустится гроб и застучит земля по крышке – все это он физически точно не сможет перенести... Так что до стакана с водкой он мог бы просто уже не добраться.

От воспоминаний, от видения гроба, снова что-то черное медленно принялось накатывать на него, сжимая душу в тиски, и Михаил постарался энергично прогнать все это. Юра, ты уж извини, – мысленно обратился он к тому, которого помнил еще пацаном с легкой ироничной улыбкой. – У меня семья, дочка, я должен думать и о них...

И Михаил решительно перевернулся на спину, скрипя топчаном и стараясь упорно переключиться на что-нибудь другое. Думать о жене и дочке – они сейчас расстроены – так что сам еще больше расстроишься... О Юре и о Валентине вообще надо запретить себе думать на данный момент. Так о чем же тогда? О чем-то постороннем, легком, пушистом? Попробовал было воскресить в памяти образ сослуживицы Оксаны, как-то вдруг присевшей на корточки возле его стула... Не помогло. Но память быстро переключила его на последний свой разговор с дочкой, когда она радостно, взалхб, рассказывала, что придумала историю про планету Клякс, и решила записать ее в тетрадь, и от этих живых воспоминаний тепло растеклось по всей его груди, на душе стало спокойней, пульс частично выровнялся и он хоть и тревожно, но все-таки задремал.

Проснулся в три часа ночи – у противоположной стены стонала женщина, плача и причитая. Стнала без пауз и перерывов. Громко. Но никто к ней не подходил. А потом вдруг стала кричать.

– А-а-а! А-а-а!! А-а-а!!!

Этот крик, довольно утробный и жуткий, долго звучал в больничном коридоре, то поднимаясь до самых высоких нот, то опускаясь до хрипа. Но никто не бежал в спешке, не подходил к больной. Тихо было в отделении.

Наконец, не выдержав, скрипя своим топчаном поднялся какой-то мужик, лежащий у самого поворота в большой коридор.

– Где она ходит, – недовольно пробурчал он и, шаркая ногами, направился куда-то вглубь.

Минут через пять к женщине подошла медсестра.

– Что случилось? – спросила она довольно будничным голосом.

– Болит! – со слезами в голосе и с надрывным плачем ответила больная.

– Где болит? – снова требовательно спросила медсестра, словно повторяла давно уже надоевший урок.

Щелкнула выключателем. Вспыхнул свет над туалетом, осветив часть закутка.

Женщина что-то ответила, Михаил уже не следил за этими событиями, повернувшись к лампочке спиной и вновь погружаясь в воспоминания. Своих проблем итак выше крыши – зачем еще и чужие процеживать сквозь свое сердце.

Он не спал всю ночь. И за всю ночь к нему никто не подошел, не измерил его давление, не смотрел, жив ли он вообще.

День первый

В очередной раз перевернувшись на правый бок и вновь болезненно коснувшись батареи, Михаил услышал шарканье ног в коридоре. И тихий шепот.

– Обезболивающее.

Возня, стуки, хрипы. Пауза. Снова шарканье, и снова шепот.

– Укол обезболивающего. Ложитесь на спину.

Интересно, ко мне тоже подойдет? – подумал он, переворачиваясь на спину и посмотрев на время на экране телефона – всегда полезно знать что и во сколько здесь происходит.

Было 5:30 утра.

В ожидании укола он открыл глаза. Медсестра – высокая тонкая девушка с мелированными волосами, пробивающимися из под медицинского берета, медленно обходила больных. Разговаривала вполголоса. В закутке кто сидел, кто ворочался, кто лежал с открытыми глазами – какой тут может быть сон в общественном коридоре. Впрочем, перебинтованный сосед спал. Возможно, он давно уже здесь лежит – привык. А может, ему просто было плохо.

Медсестра подошла к плачущей женщине.

– Что болит? – спросила она.

Женщина ответила с душераздирающим надрывом, гнусава в нос, и Михаил не смог разоб-
рать, что она сказала. Медсестра поставила укол и, выключив свет, ушла, обойдя его стороной.

В закутке стало тихо, и Михаил поудобнее устроился на топчане, на сколько это было возможно на твердых досках. Попробовал снова уснуть – спать хотелось невероятно, но ни шум возле самого уха, ни жесткость постели совсем не располагали к этому. Думая о Юре, о превратностях жизни, вспоминая серое лицо в гробу, проблемы со скорой, он на какое-то время забылся беспокойным, урывками, сном.

Вдруг резко включился свет в коридоре. Зажмурившись, Михаил отвернулся к стене и посмотрел на сотовый – 6:30. Все ясно – подъем.

Снова закрыл глаза. Прислушался к себе. Нет, лучше ему не стало. Все та же слабость, и вставать, и, уж тем более, идти куда-то совсем не хотелось.

Вдруг кто-то слегка дотронулся до его плеча. Вздвогнув, он непроизвольно резко обернулся. Медсестра. Та же самая – высокая, с мелированными волосами. В руках – железный поднос с таблетками и прочими медицинскими атрибутами.

– Фамилия? – тихо спросила она, глядя на него необычайно серьезно.

– Власов, – так же тихо ответил он.

Девушка протянула пластмассовый стаканчик с красной крышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.